

Ксения ДРАГУНСКАЯ Сыроежки. Кораблекрушение

Главные роли:

Человек
Аня
Амаранта

Роли:

Лисапед
Мама Ани

Эпизоды:

Толя тормоз
Родня Амаранты
Милиционеры
Тетка на крыльце
Прохожий парень

Берег белый, бескрайний — берег озера, а озеро не замерзло. Никого на берегу, потому что утро, вчера был Новый год, и на снегу — новогодний пестрый сор, мандариновые корки, фантики, бутылки и обгоревшие петарды.

На ржавых, покривившихся качелях девочка сидит, качается медленно, потому что качели ей малы, и ноги в сапожках задевают за снег. Девочка смотрит на озеро и не замечает, что по снегу пробирается другая девочка. Идет долго. Садится на соседние качели. Обе смотрят на озеро и качаются вразнобой.

Первая. Ты откуда?

Вторая. Приехала.

Первая. На Новый год?

Вторая. Нет.

Первая. С родителями?

Вторая. Так... Просто...

Помолчали. Качели скрипят.

Первая. Ну, что?

Вторая. Ничего.

Первая вытягивает руку из рукава. На запястье — кожаный шнурок с несколькими крупными темно-прозрачными бусинами.

Первая. У тебя цело еще?

Вторая тоже вытягивает руку. И у нее на запястье — такой же с бусинами шнурок.

Первая. А у меня порвалось однажды. На физре, прикинь? Когда в волейбол играли. Я — собирать. А все бегает, как эти... Руки мне оттопали. Собрала.

Опять помолчали.

Первая. Что, совсем ничего?

Вторая. Угу.

Первая. Снится?

Вторая. Иногда.

Первая. И мне.

Берег белый, пустой, праздничный сор и озеро вдали. Новый год вчера.

Лето. Утро. Но уже поздно. Так бывает.

Окно кухни открыто в солнечный щебечущий сад, на столе стынет завтрак.

— Аня! Аня!! Аня!!! — наслаждаясь растущим раздражением, зовет женщина в шортах.

Откуда-то сверху слышится «счас», шлепающие тапочек, шаги по лестнице, и в дверях кухни появляется лохматая, теплая, утренняя девочка двенадцати лет. Улыбается.

— Доброе утро, — с выражением говорит мама.

— Доброе утро!

— Долго это будет продолжаться? Сколько можно валяться в постели? Двенадцатый час...

— Там передача была про Австралию, — начинает рассказывать девочка. — Представляешь, оказывается, толстые лори — они совсем не толстые. У них лапки с присосками, чтобы удобнее лазать, а когда они рождаются...

— Завтракать немедленно, — перебивает мама.

Девочка хочет сесть за стол, но мама спрашивает:

— А умыться не хочешь?

Умывшись, с мокрыми волосами, девочка принимается завтракать. Ест омлет, размешивает сахар в чашке, думает о своем. Чай расплещивается. Мама смотрит. Дочь — длинная, нескладная, ничуть не похожая на маму, совсем другая, не такая, не та, которую ждали.

— Аня, у тебя тапочки дырявые. Большой палец торчит.

Девочка шевелит большим пальцем, скидывает тапок.

— Они мне малы.

— Малы... Опять малы!

«Сколько можно расти?» — с досадой думает мама.

— Между прочим, ты вчера сказала, что идешь к Серовой и что вы будете у нее, а вас там не было, — начинает докапываться она.

— Мы щенков смотреть ходили, — говорит девочка. — Там у одной девчонки с заводских дач спаньелиха оценилась. Такие милые! Белые с пятнышками. Спят кучкой и пахнут так...

В рамках III Благотворительного кинофестиваля «Лучезарный ангел» были объявлены победители Первого Всероссийского конкурса сценариев игровых полнометражных фильмов для семейного просмотра (для родителей и детей) «Вера. Надежда. Любовь».

Комментарий режиссера Игоря Масленикова, председателя жюри конкурса: — Как член Экспертного совета Федерального агентства по культуре и кинематографии я много лет читаю сценарии, представленные на господдержку. Из 150 работ для постановки рекомендуется лишь девять-десять. Сегодня возникло отвратительное поветрие, претендующее называться искусством, — в е р б а т и м. Драматургия «вербатим» делается следующим образом: звукозаписывающее устройство кладется в какой-нибудь комнате. Записывается все, что там происходит. Потом данное «нечто», где отсутствует драматургия, идея, смыслы, предлагается сыграть актерам. На этом фоне светлым пятном для меня явился конкурс сценариев «Вера. Надежда. Любовь». На конкурс поступило около 90 работ. Мы прочитали примерно половину, то, что предложила Отборочная комиссия. Смею утверждать — эти работы резко отличаются от среднего потока, существующего в сценарном цеху. Важно и то, что конкурс проходил под патронажем Церкви. Среди представленных сценариев есть по-настоящему талантливые вещи. Наша задача заключается в том, чтобы начав это необходимое, полезное дело, не оставить его на полпути и продвигать сценарии в производство.

Работы на Второй конкурс сценариев «Вера. Надежда. Любовь» принимаются с 15 марта по 1 сентября 2007 года. В декабре 2007-го — объявление лауреатов и дипломантов. Информацию о конкурсе можно получить по адресу: 125056, Москва, ул. Васильевская, 13, комн. 41; e-mail: kinovek@bk.ru. Телефоны: (495) 250 13 92, 251 12 01; www.unikino.ru

«ЭС» предлагает вашему вниманию сценарий Ксении Драгунской «Сыроежки. Кораблекрушение», отмеченный как лучший сценарий Первого конкурса «Вера. Надежда. Любовь».

— Не ври, Аня, — мудрым, всезнающим и словно усталым от своего всезнания голосом говорит мама. — Не пытайся меня обмануть. Я твоя мать, твой самый близкий друг, я должна все знать и я всегда все узнаю.

— Я не вру, — Аня растерялась и обиделась.

— Я-то знаю, что вы были под мостом. Знаю я эти ваши посылочки.

— Почему, когда говоришь правду, никто не верит? — удивилась Аня.

— Не умничай. Ешь уже наконец. Другие девочки встают рано, делают зарядку, аккуратные, подтянутые. Вот Маша Тендрякова — с утра встанет, сделает зарядку, примет душ, оденется нарядно и идет полоть огород. Или французским занимается. Что ты вздыхаешь?

— Так... Просто...

— Просто — это не ответ, дорогая моя. И не сутулиться. Надо делать зарядку. Будешь стройная и красивая, как Маша Тендрякова. Как другие хорошие девочки. А если будешь поздно вставать и сутулиться — из тебя ничего не выйдет. Ешь, пожалуйста. Пойми, Аня, на тебя просто противно смотреть. Что ты там носом шмыгаешь? Кроме меня тебе никто не скажет правды. Только я. Потому что я — твоя мама, твой самый лучший и близкий друг. Ешь уже, в конце концов. Перестань хлопать носом. Аня! Аня, ты куда?..

Стараясь не плакать, даже если никто не видит, — на задворки; изо всех сил стараясь дышать ровно, но воздух — утренний, вкусный, лесной — никак не проглатывается, комками застревает в горле, через дырку в заборе, до перекрестка, мимо водокачки, еще чуть-чуть, и толкаешь висящую криво калитку, ветки шиповника и жасмина переплелись над лохматой тропинкой, одичавший сад, старый дом, тайное укрытие, приют, кров. Нет, в дом не надо, совсем ни к чему ступать на провалившийся пол веранды, там пахнет сырой темнотой из пустого проема двери. Лучше вот так — по сосне, знакомые, верные толстые ветки, и на прогретый солнцем балкон, в чудесное хромоногое кресло...

Забравшись с ногами в хромое кресло на балконе старого дома, Аня разрешает себе заплакать, но слышит звяканье ложечки в чашке. По комнате кто-то ходит.

Дядька!!!

В халате. Кофе пьет и все вокруг разглядывает. Аня встает с кресла от удивления. А дядька увидел ее и совсем не удивился. Улыбается и кланяется.

Дядька. Здравствуйте.

Аня молчит. Ей еще никто так не кланялся. А дядька разговаривает с ней, как будто знает ее давным давно.

Дядька. Кошмар, да? Полный разгром! Придется, конечно, повозиться, да и денег надо... Тут одного бруса, по самым скромным подсчетам... Ладно, справлюсь! Слава Богу, не безрукий...

Аня. Вы что, здесь жить будете?

Дядька. Уже живу. Смешно, правда, — у-жэ-жы-ву? Это по-французски, что ли?

Аня молча начинает уходить с балкона — берет за ветку, перекидывает ногу через перила и оборачивается.

Аня. Вы кто вообще такой? Вы откуда взяли? Здесь никто не живет! Это называется Старый Дом. Сюда никто не приходит, кроме меня.

Это мое место. На всякие случаи. Мое секретное место!

Дядька смотрит на лохматую девочку в пижаме и перестает прихлебывать кофе.

Аня заметила, что он заметил, что она плакала. А дядька говорит очень серьезно.

Дядька. Послушайте. Извините, я не знал. Я, честное слово, не знал. Но, понимаете... Конечно, я тут поживу? Я тихо, и почину заодно... Понимаете... Просто... Мне сейчас больше некуда идти. Так вышло...

Дядька переводит дыхание.

Дядька. Вот и сказал. Самому себе сказать боялся, что мне идти некуда, а теперь вроде легче стало.

Аня (хмуро и после паузы). Ладно. Живите. Я понимаю.

Дядька. Правда? Спасибо! Я так и думал, что вы поймете.

Аня разглядывает его.

Дядька. Ну, давайте завтракать, что ли? Вы в пижаме, я в халате, значит завтракать надо. У меня ватрушки, на станции купил.

Аня. Не хочу.

Дядька. Уже завтракали?

Аня. Да... нет... Не хочу.

Дядька. Что же?

Аня. Так...

Аня смотрит, как вкусно дядька ест, и тоже берет ватрушку. Едят молча. Аня отряхивает руки и наскоро допивает чай.

Аня. Спасибо. Было жутко вкусно.

Дядька. Приходите еще? Придете? Беседовать будем. А то скучно одному.

Аня. Вы приехали на поезде?

Дядька. На автобусе, на поезде, на метро, на

